

Андрей Львович Ливадный

Галактический вихрь

Аннотация

3727 год.

Конфедерация Солнц, на протяжении тысячелетия объединявшая большинство миров Обитаемой Галактики, переживает кризис. Именно в этот сложный для человечества момент на исторической сцене внезапно появляется тень из прошлого — искусственный интеллект, созданный три миллиона лет назад расой насекомоподобных существ, пробуждается от небытия вследствие боевых действий на скованном льдами спутнике планеты Эригон.

Пролог.

*Три миллиона лет до нашей эры.
Планета Земля — родина
человечества. Раннее утро...*

Гуги сидел на корточках у черного зева пещеры.

Утренний ветер слабо шевелил листву деревьев. Огромные руки питекантропа, покрытые, как и все тело, черной шерстью, свободно доставали до земли, опираясь на холодный камень мощными кулаками.

Гуги был мечтателем. Он любил смотреть в небо

Взгляд первобытного человека замороженно скользил по темным еще небесам, где сплетались в хитрые узоры мириады ярких огоньков.

Он еще не мог осознать, что видит звезды. Просто его взгляд притягивала эта бездонная чернота. Часами Гуги

смотрел на созвездия, которым его далекие потомки через тысячи лет дадут имена своих богов и героев. В глубоко спрятанных под надбровными дугами глазах питекантропа отражался далекий звездный свет.

Где-то неподалеку в настороженной предрассветной тишине вдруг раздался приглушенный рык. Затем последовали неясные звуки отчаянной борьбы, громко запричитала и захлопала крыльями потревоженная в своем гнезде птица.

Гуги привстал, одной рукой по-прежнему опираясь о землю. В другой он сжимал увесистый корявый сук, в расщепленный конец которого был надежно вставлен кусок обсидиана — вулканического стекла.

Из его груди вырвалось глухое, раздраженное рычание.

Внизу, у подножия скал, в утреннем

сумраке блеснула пара желтых глаз, затрещали кусты, и кто-то огромный и грузный проломился сквозь них, унося с собой добычу.

Гуги знал, что опасность миновала, но он не был настолько добродушен и беспечен, чтобы вот так сразу успокоиться. Не выпуская из руки свое примитивное оружие, он еще некоторое время метался взад и вперед по обрывистому краю площадки перед пещерой, глухо и вызывающе ворча.

Потом, утомленный этими проявлениями воинственности, он для острстки пометил, помочившись, край ведущей вниз тропы и вновь сел, опустив руки между колен.

Взгляд первобытного человека, еще немного поблуждав по темным окрестным зарослям, опять вернулся к небу.

Из груди питекантропа вырвалось

рычание — глухое, раздраженное и озадаченное.

Среди привычной россыпи побледневших к утру точек, там, где они сбегались вместе, образуя узкую извилистую тропу, которая, как заметил Гуги, вела от одного края неба к другому, появилась еще одна яркая, очень яркая точка... Как будто там, в небесах, зажегся недобрый помаргивающий глаз хищного зверя.

Это было уже слишком...

Гуги встал, немного покружил по площадке, чувствуя неясное смятение. Потом прополз под низкий свод пещеры, с глухим ворчанием согнал с места молодого самца и устало лег.

На следующую ночь, когда он вновь взглянул на безоблачное небо, там уже не было никакого глаза.

* * *

Бездна пространства отделяла угасающую красную звезду от прародины человечества.

Когда Гуги наблюдал на ночном небе странную вспышку, источник света был мертв уже десять тысяч лет. Такова ирония галактических расстояний — световому потоку понадобилось именно столько времени, чтобы достичь Земли и зажечь в ее ночном небе яркий фантом.

Это не было катастрофической гелиевой вспышкой сверхновой звезды. Трагедия, разыгравшаяся в одном из участков Млечного Пути, носила рукотворный характер.

Та звезда, о которой идет речь, была недоступна визуальному обнаружению. Она была невидима во всех диапазонах, кроме инфракрасного, потому что старое солнце окружала циклопическая

искусственная конструкция.

Потомки Гуги назовут такое сооружение сферой Дайсона и теоретически докажут невозможность ее существования.

Человечество изобретет гиперсферный привод и пойдет по пути колонизации других звездных систем.

Галактику будут сотрясать катаклизмы и войны. Люди будут умирать и рождаться, осваивать новые планеты, любить, ненавидеть, созидать и разрушать...

А где-то совсем недалеко от обитаемой Галактики, среди старого звездного скопления, пронумерованного в каталогах семизначной цифрой, будет сиять маленькое красное солнце, окруженное со всех сторон той конструкцией, в невозможность существования которой люди уверятся еще на заре освоения

космического пространства...

Там, среди хаоса, разрушений и миллионолетнего запустения будет жить отзвук той катастрофы, свет от которой видел питекантроп на первобытной Земле.

Когда еще не было звезд и планет, Вселенную уже населяли такие формы, которые современная наука, несомненно, обозначила бы термином «ЖИЗНЬ».

Это был странный, изменчивый мир, пребывающий в стадии затянувшегося вселенского катаклизма. Протовещество, стремительно удаляясь от эпицентра Большого Взрыва, одновременно распадалось на элементарные частицы и образовывало гигантские пылевые облака, в которых постепенно начинали загораться первые звезды будущих разбегающихся галактик.

Как много позже в горячих первобытных океанах планет зародится органика, в этой пылевой среде тоже зарождалась и эволюционировала первая жизнь.

Существа, возникшие в ту пору, были сгустками сверхплотной протоматерии. Вместо того чтобы разложиться вместе с другим веществом, эти частицы Большого Взрыва сумели сохранить свою структуру, и, более того, они научились поддерживать ее, поглощая свободный водород и космическую пыль.

Это была первая, самая низшая ступень эволюции жизни во Вселенной. Позже современники Интеллекта назовут этих пространственных амёб Предтечами.

...Прошли миллионы лет. Вселенная стабилизировалась, обрела формы метагалактик. Странные, совершенно

не похожие на людей существа, пройдя путь развития под пухлыми шапками атмосфер своих планет, в конечном итоге сделали первый шаг в космос.

И узнали о том, что обречены.

На их пути стояли Предтечи.

Это не было конфликтом разумов. Космические амебы не смогли развиться в мыслящих существ. Их дрейф в пространстве напоминал вихрь. Как стихийное бедствие, двигались они от периферии Галактики к ее центру, пожирая на своем пути все доступное вещество. Как саранча уничтожает посевы, так и волна Предтеч уничтожала космическую пыль, мелкие планетоиды и даже целые планетные системы. От них невозможно было бежать, и с ними нельзя было договориться. Существа со страхом и смятением наблюдали за приближением голодной неразумной

орды...

Чтобы осмыслить картину разыгравшейся в пространстве трагедии, нужно прежде всего уяснить себе истинный размер и физическую природу такой конструкции, как сфера Дайсона.

Она представляла собой полый шар, собранный из отдельных секций, внутри которого была заключена звезда. Таким образом, внутренняя поверхность сферы, в миллиарды раз превышающая площадь Земли, перехватывала все исходящие от звезды излучения. Существа, которые построили это техническое чудо, снабдили свой мир рельефом, а вращение сферы вокруг своей оси со скоростью семьсот пятьдесят километров в секунду создало на ее внутренней поверхности искусственное тяготение, которое на экваторе почти

равнялось земному, а ближе к полюсам сферы слабело, постепенно сходя на нет. Перед полюсами были возведены кольцевые барьеры, предназначенные удерживать атмосферу в экваториальной части мира и отделять зону с нормальным тяготением от безвоздушных районов полюсов.

...Движение Галактического вихря было неотвратимо. Все попытки повернуть вспять катастрофическую миграцию или хотя бы отклонить ее гибельный курс потерпели неудачу.

Световой фантом одной из таких разрушительных попыток и наблюдал спустя десять тысяч лет питекантроп на древней Земле...

Обитатели сферы были приговорены. Им оставалось лишь надеяться, что, может быть, кто-то из них сумеет пережить катастрофу... Последним отчаянным шагом с их стороны была

попытка спасти искусственный Интеллект, созданный ими для управления сферой Дайсона...

Часть первая. Контакт

Глава 1. Пробуждение

Система Эригон. Спутник третьей планеты — Луна L-17 по универсальному каталогу. 3727 год Галактического календаря...

Он просыпался, и это было мучительно.

Ощущение самого себя — то, что называется самосознанием, — не вернулось к нему внезапно, как вспышка света или резкий звук...

Нет... Процесс был стихийным,

мучительным и долгим.

Быть может, в реальном времени прошли годы, а то и десятилетия, прежде чем погребенный под многокилометровой толщиной льда Интеллект собрал блуждающие по его кристаллическим внутренностям слабые световые потоки в первую осознанную мысль...

Функционировала далекая периферия...

Центральный процессор Интеллекта занимал собой естественную полость, образовавшуюся в коре планеты еще при ее формировании. Искусственно расширенная пещера, над которой миллионы лет назад плескалось теплое море, а сейчас располагался необъятный ледник, тонула во мраке. Посреди нее пролегал тусклый желоб, а в нем застыл прозрачный десятиметровый кокон, доверху

заполненный серыми кристаллами, внутри которых когда-то струились мощные световые потоки, а сейчас блуждали робкие голубые огоньки.

Интеллект был один.

Еще не окончательно осознав факт собственной реанимации, он уже был твердо уверен в этом...

Миллионы лет канули в черную бесконечность. Волна неумолимого уничтожения стерла с лица Вселенной создавший его народ.

Предтечи победили...

Горечь поражения напоминала далекую, давно забытую боль.

* * *

...Интеллект не задавался вопросом, что пробудило его от миллионолетней комы.

Его память была полна страшными

травматическими воспоминаниями, которые поначалу затмевали все остальное, заставляя запертый в темной пещере, отрезанный от реальности кристаллический мозг вновь и вновь переживать те последние часы, которые предшествовали окончательному краху...

Он видел, как бесноватые орды голодных Предтеч волна за волной окатывали огромные площади сферы, сметая защитные сооружения, круша тонкие, точно выверенные балансировочные механизмы, проедавая глубокие безобразные борозды в волокончатой броне...

Их рефлекторная, животная ярость была страшна и отвратительна.

Он с убийственной очевидностью понял, что битва проиграна и даже он бессилён остановить этот напор. Его создатели были обречены. Никакие

защитные сооружения, никакое оружие не могли остановить голодных космических хищников, которые раз за разом проникали все глубже, выедая целые тонны вещества с поверхности созданного титаническими усилиями цивилизации убежища.

Потом нити управления сферой начали обрываться одна за другой. Интеллект, созданный для того, чтобы управлять циклопическим сооружением, терял свои основные функции. Вся его оперативная периферия рушилась.

Это была агония. Он умирал вместе со сферой и населяющими ее существами.

Наверное, именно в эти страшные минуты внутри кристаллического мозга, функционировавшего на основе фотонного процессора, родились элементы самосознания. Все

связующие нити с внешним миром были оборваны, и он — огромная машина с невероятным быстродействием — внезапно оказался не у дел. Он продолжал мыслить с такой скоростью, что самые совершенные компьютеры людей в сравнении с ним были не более чем примитивными арифмометрами.

Он не знал, что полное отключение всей периферии было связано с отчаянной попыткой спасти его центральную часть. Существа, построившие Интеллект, прекрасно понимали, что только он способен восстановить сферу, после того как схлынет волна Предтеч. Его матрицы спешно демонтировали и грузили в космический корабль, но центральный процессор не был отключен. Он продолжал мыслить, замкнутый сам на себя и предоставленный самому себе...

Он мыслил, пока внутри его тек свет. Потом свет угас, когда иссякли источники питания, и Интеллект отключился.

Последняя его мысль была о том, что даже ему не удалось пережить волну Предтеч...

Интеллект не знал, что его успели переместить в один из тайных схронов, оборудованный в недрах безымянного планетоида.

Однако информация о нем хранилась в блоках постоянной памяти, и Интеллект узнал это место, когда очнулся спустя несколько миллионов лет.

Злая ирония его судьбы заключалась в том, что он оказался в положении калеки. Кто бы ни доставил его сюда — он не справился со своей задачей до конца. Центральный процессор Интеллекта был собран, наполненные

кристаллами прозрачные сегменты оказались плотно пригнаны друг к другу в правильном порядке, вокруг, подключенная к органам управления космического корабля, раскинулась его оперативная периферия, но связь между ней и процессором отсутствовала. Работали основная память и несколько сканерных блоков, посредством которых он ясно воспринимал электромагнитные волны искусственного происхождения. Причем источник сигналов находился совсем близко, где-то в пределах той самой планеты, в недрах которой оказался заперт Интеллект.

Ему оставалось только одно — вслушиваться в эти волны, теряясь в догадках во мраке подземелья, и ждать. Если что-то пробудило его, пустив гулять по кристаллам процессора робкий лучик света, то рано или поздно

все повторится опять, и тогда он уже не упустит шанса полностью восстановить свои функции.

Снедаемый сомнениями, Интеллект не мог знать, что пойманные им волны не принадлежат ни одному из его периферийных устройств. Они не имели никакого отношения ни к его народу, ни к Предтечам.

Шел 3727 год Галактического календаря.

Планета, на орбите которой кружила покрытая ледовым панцирем луна, где оказался замурован Интеллект, называлась Эригон, и была она колонизирована людьми тысячу двести лет назад.

К тому же на ней назревали крупные неприятности, и случайное пробуждение Интеллекта было связано именно с ними.

*Борт космического фрегата «Зевс».
Сектор Эригона. 3727 год
Галактического календаря.*

— Ну что, Клаус, какие новости? — Доминик фон Риттер оторвал взгляд от кружки крепкого эригонского пива и взглянул на вошедшего в бар Зельцмана.

Капитан уселся напротив, жестом показав бармену, что тоже желает выпить.

— На днях полетим, — сообщил он.

— Меня берешь? — вскинул бровь Доминик.

— Да. — Клаус протянул руку, забрав со стойки свое пиво. — Нужно подобрать десять человек из твоего взвода. Остальных я распределю сам.

— А почему не весь мой отряд?

— Не пройдет, — лаконично ответил

Клаус. — Нужны только профи. А у тебя их десять. Обязательно включи в группу обоих снайперов. Боевые костюмы по автономному варианту. Те, что без знаков различия.

Лейтенант фон Риттер отодвинул свою кружку и облокотился о стойку.

— Опять без орбитальной поддержки... — угрюмо вздохнул он, сделав очевидный вывод из слов командира. — Сбросят, как паршивых котят, в заведомое дерьмо. «И если вы провалите миссию...» — передразнил он гнусавый голос командира «Зевса» генерала Кончини.

Клаус сделал большой глоток пива и закурил, вполуха слушая лейтенанта. Болтовня фон Риттера, возможно, и не отличалась эстетизмом, но суть вещей он улавливал верно.

К сожалению, в этом столетии Эригон переживал не лучшие свои

времена.

В начале тридцать восьмого века начался политический упадок и постепенный развал Конфедерации Центральных миров.

Такова историческая участь всех крупных конфедеративных образований, — достигнув апогея своего могущества, союз старых колоний, составлявший некогда ядро внеземной цивилизации, начал постепенно разрушаться, в то время как на бывшей Окраине окрепли молодые и энергичные сообщества. Старая, во многом догматичная и консервативная Конфедерация год от года ветшала, и молодые промышленные гиганты все чаще поглядывали в ее сторону, явно мечтая о переделе сфер влияния и рынков сбыта.

Интересы Конфедерации и Окраины скрещивались в секторе Эригона,

который, по историческому определению, не принадлежал ни к одной из сторон, но их молчаливое противостояние все больше и больше начинало походить на две половинки гигантских тисков, медленно сжимавших определенный участок пространства. С одной стороны были Совет Безопасности миров и Звездный Патруль — инструменты официальной доктрины всеобщего равенства, планетных суверенитетов и защиты прав разумных существ, а с другой — личные интересы отдельных планет и корпоративных альянсов Окраины, еще не решившихся на открытое противостояние, но уже готовых столкнуть опасную лавину событий, и в сфере большой межпланетной экономики набирала обороты негласная война...

— Доминик, подготовь ребят как

следует, — проговорил Клаус, погасив окурок. — Кончини темнит, — поделился он своими предчувствиями. — Цель миссии пока не ясна, но ты прав — работать будем без орбитальной поддержки, а главное — без межпланетных санкций... Он дал мне понять, что возникли осложнения с правительством Эригона. Короче, генерал хочет слезть с елки, не ободрав задницы... — заключил он.

Физиономия фон Риттера помрачнела.

— Грязная работа? — нахмурившись, спросил он.

— Нет... Не думаю, — успокоил его капитан. — Генерал слишком любит свою карьеру, чтобы лезть в темные дела. Просто у него есть определенная информация, полученная по неофициальным каналам, подтвердить

которую нам предстоит уже в ходе миссии. Если все сложится, то будут и санкции, и поддержка.

— А если нет?

— Как обычно... — пожал плечами Клаус. — На то ты и «скарм», Доминик, — напомнил он.

* * *

Этому диалогу двух офицеров предшествовал другой, более лаконичный разговор, состоявшийся между генералом Кончини и неким таинственным абонентом.

Вызов пришел через глобальную межпланетную компьютерную сеть. Человек на том конце линии даже не подозревал, что общается с командиром боевого соединения Патруля. Для него это был обычный виртуальный адрес электронной почты,

куда он время от времени высылал информацию, в обмен на которую на его счет в банке аккуратно поступали гонорары.

Получив вызов, генерал Кончини уселся перед терминалом компьютера, жестом отпустив топтавшегося в каюте адъютанта.

Дождавшись, пока за младшим офицером закроется дверь, он отжал клавишу.

«Информация подтвердилась. Груз на месте. Адрес: Луна-17, старая подледная база, третий нежилой уровень. Время неизвестно».

Кончини отстучал в ответ несколько ничего не значащих фраз и в задумчивости потер подбородок.

В его карьере назревал крутой перелом.

Генерала вдруг залихорадило. Он встал, подошел к вмонтированному в

переборку мини-бару и плеснул себе выпить. Еще ничего не случилось, а руки уже дрожали.

Только что полученная им информация имела огромное значение. Груз, про который шла речь, был не чем иным, как трехсекционной аннигиляционной установкой «Свет».

Фрегат «Зевс» патрулировал сектор планеты Эригон, который, вследствие молчаливого противостояния Конфедерации и Окраины, был в данный момент одним из самых напряженных участков космического пространства. В этом ключе переоценить важность только что полученного сообщения было невозможно. Мощнейшее оружие, способное превратить планету в огненный пузырь всего за несколько минут, было тайно доставлено на заброшенные горизонты подледной

базы ее единственного спутника. Это было идеальное место для нанесения удара по Эригону. Несколько точечных уколов аннигилирующего луча, и охваченная паникой планета выполнит любые продиктованные ей условия.

Несомненно, это был заговор.

Кончини залпом опорожнил стакан и налил себе еще.

Оставалось решить, как распорядиться этой бесценной, но, увы, неподтвержденной информацией. Сообщить о ней президенту Эригона Эрику Эмолайнену? Послать доклад в Совет Безопасности миров? Или взять все на себя?

От рассмотрения последнего варианта Кончини бросило в пот. Генерал, раскрывший заговор против целой планеты!.. Об этом стоило подумать. Успех одной скоротечной операции мог вознести его на вершины

галактического Олимпа.

Кончини все больше и больше склонялся к этой соблазнительной мысли. Действительно, отдай он эти сведения президенту Эригона, в лучшем случае получит в ответ слова благодарности и хмурый взгляд со стороны начальства. Если же поступит наоборот, то скорее всего лавры присвоит себе кто-то другой.

Нет... Упустить такой шанс было бы чистой воды безумием.

— Пришлите ко мне капитана Клауса Зельцмана, — распорядился он в интерком, приняв тем самым окончательное решение.

О том, что задуманная им операция выглядела как грубая агрессия и нарушение суверенных границ, Кончини предпочел не вспоминать. Информация достоверна — в этом он был уверен. А когда он получит

доказательства готовящегося на Луне-17 чудовищного злодеяния, президенту Эмолайнену не останется ничего, кроме как выдать ему соответствующие санкции задним числом.

Как говорится, победителей не судят...